

А.Рябов

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ФАКТОРЫ И ЦИКЛЫ РАЗВИТИЯ

DOI: 10.20542/2073-4786-2018-3-67-82

О понятии «постсоветское пространство»

Вопрос о том, сохранилось ли постсоветское пространство как политико-географический регион мира, возник на исходе первого десятилетия XXI века, когда стало очевидно, что пути и цели развития независимых государств, образовавшихся в результате распада Советского Союза, за 20 лет существенно разошлись. В начавшейся дискуссии, которая не завершилась и до сих пор, отчетливо проявились три точки зрения. Согласно одной из них, «постсоветского пространства не существует. На месте СССР возникли национальные государства с разными интересами... И интеграции по принципу постсоветскости нет и не будет».¹

Сторонники другой точки зрения согласны с тем, что в современных условиях нельзя говорить о существовании постсоветского пространства в его *прежнем, первоначальном* (выделено *А.Р.*) виде. Так, по мнению А.Гущина, «различия между частями некогда единого советского пространства настолько велики, что трудно выделить какие-то общие черты между такими странами, как Туркменистан и Молдова, за исключением факта вхождения этих ныне независимых стран в качестве союзных республик в состав СССР».² Авторы коллективного труда «Постсоветские государства» считают, что «расхождение стран по интеграционным приоритетам разорвало постсоветское пространство на проевропейский и евразийский сегменты, но при этом во всех странах все сильнее ощущается экономическое влияние Китая».³

¹ Малашенко А. Постсоветского пространства не существует // <http://www.newizv.ru/society/2012-06-08/164720>.

² Гушин А. Постсоветское пространство – 25 лет фрагментации // <http://politcom.ru/21248.html>.

³ Постсоциалистический мир: итоги трансформации / Под общ. ред. С.П.Глинкиной: в 3 т. СПб.: Алетейя, 2017. Т. 2. Постсоветские государства / Отв. ред. Л.Б.Вардомский. С. 8-9.

В отличие от первой точки зрения, приверженцы этой позиции полагают, что на интеграционных процессах в регионе рано ставить «крест». Правда, будущее интеграции на территории «бывшего» постсоветского пространства они видят по-разному. Например, с точки зрения А.Гущина, оно связано с переформатированием региона в результате реализации интеграционных проектов, ключевая роль в которых принадлежит России: «...бояться распада постсоветского пространства в его прежнем виде не стоит. Напротив, разноскоростная интеграция и более высокая детализация внешней политики России в ближнем зарубежье создают новые возможности».⁴

В свою очередь Ф.Лукиянов полагает, что будущее государств на территории бывшего Советского Союза за новым мегапроектом: «Постсоветское пространство – уже историческое понятие... Надо уходить от этого термина и говорить о новой Большой Евразии, которая включает в себя все государства региона. Сейчас должен обсуждаться понятийный проект Большой Евразии, совершенно новой ее организации».⁵ Со своей стороны отметим, что на сегодняшний день контуры этой организации выглядят весьма смутно.

И, наконец, сторонники третьей точки зрения считают, что с момента своего возникновения постсоветское пространство качественно не изменилось. Они обращают особое внимание на фактор общего прошлого постсоветских государств, в свое время входивших в состав сначала Российской империи, а затем – Советского Союза, который до сих пор цементирует тесные и разнообразные связи между этими странами. Так, по мнению В.Егорова, «длительное существование в одном “доме” обусловило наличие в организме государств, обретших суверенитет, “родовых признаков”, несмотря на разновекторность современного развития, предопределяющих общность их цивилизационных судеб. Мало того, именно общие черты общественного хозяйства, культуры, системы ценностей, приобретенных отчасти не благодаря, а вопреки их воле, дают пролонгированный эффект потенциальной интеграции нового регионального сообщества».⁶ Таким образом, в рамках этого подхода, который условно можно назвать историко-

⁴ Гущин А. Постсоветское пространство ждет переформатирование // <http://euroasia.expert/postsovetskoe-prostranstvo-zhdet-pereformatirovanie/>

⁵ Лукьянов Ф. Трансформация постсоветского пространства // <http://russiacouncil.ru/analytics-and-comments/interview/transformatia-postsovetskogo-prostranstva#top-content>.

⁶ Егоров В. Постсоветское пространство как предмет научного осмысления // Обозреватель – Observer, 2011, № 9, с. 48.

цивилизационным, общность исторического происхождения рассматривается как залог успешной интеграции на новом этапе развития.

Среди факторов, скрепляющих пространство бывшего СССР, обычно называют распространение русского языка, масштабную миграцию рабочей силы, существование безвизового режима между большинством стран, взаимное признание дипломов об образовании. Также выделяют тесные семейно-родственные связи между гражданами различных стран.⁷ Следует также учитывать многочисленные соглашения, регулирующие международные перевозки и связь. Кроме того, исследователи обращают внимание «если не на однотипность, то, по крайней мере, сравнимость внутриполитических порядков» стран, расположенных на пространстве бывшего СССР, «несмотря на многообразие различий среди государств, его составляющих, качественное разнообразие политических систем».⁸

По нашему мнению, многообразие оценок и подходов к изучению и интерпретации понятия постсоветского пространства, приведенных выше, свидетельствует о сложности и необычности изучаемого объекта, недостаточной исследованности внутренних механизмов его эволюции. Поэтому в рамках настоящей статьи основное внимание уделяется систематизации факторов, обуславливающих внутреннюю динамику постсоветского пространства, предпринимается попытка выявить траекторию его развития.

Мы разделяем точку зрения, согласно которой постсоветское пространство как политико-географический регион мира обладает значительной устойчивостью и продолжает существовать в настоящее время. Но причины этого гораздо шире, чем общность исторического прошлого, о чем будет сказано ниже. Точнее, влияние исторического прошлого не сводится лишь к функции «цементирования» современных межгосударственных связей. Мы исходим из хорошо известной точки зрения о том, что постсоветское пространство по своей природе изначально было постимперским, впрочем, не вкладывая в это понятие никакого ценностного смысла, а лишь констатируя природу этого политического явления.

Впервые понятие «постсоветское пространство» было введено в научный и политический оборот литовским политологом А.Празаускасом в 1992 г.⁹ В дальнейшем Д.Фурман предложил рассматривать эту постимпер-

⁷ Кудрявцев И.С. Постсоветское пространство как отдельный регион: интеграционные перспективы // Известия РГПУ им. А.И.Герцена, 2011, №130, с. 261.

⁸ Тофан А.В. Методологические подходы к понятию «постсоветское пространство» // Вестник КРСУ, 2015, т. 15, №5, с. 46.

⁹ Празаускас А. СНГ как постколониальное пространство // Независимая газета. 7 февраля 1992 г.

скость как «единственный объективный признак, позволяющий такое пространство очертить».¹⁰ В отличие от многих других авторов, мы полагаем, что по мере развития постимперскость никуда не исчезает в том смысле, что Россия продолжает оставаться системообразующим центром постсоветского пространства. Торгово-экономические отношения между многими постсоветскими государствами, в том числе и входящими в Евразийский экономический союз (ЕАЭС), осуществляются через Россию, обеспечивая тем самым экономическую целостность пространства. По-видимому, не случайно, что все попытки создать на территории бывшего СССР устойчивые интеграционные объединения типа ГУ(У)АМ или Содружества Демократического Выбора (СДВ), которые были призваны запустить интеграционные процессы в обход России в качестве противовеса ей и, естественно, без ее участия, оказались безуспешными.

В то же время следует признать, что политико-географическая целостность, основанная лишь на общности прошлого, не может оставаться устойчивой в течение длительного периода, поскольку со временем любые исторические связи ослабевают, если не подкрепляются новыми центростремительными факторами. Существуют ли такие факторы, насколько они устойчивы, как они взаимодействуют с центробежными тенденциями и каким образом все это влияет на эволюцию постсоветского пространства? Для ответа на эти вопросы, как представляется, особую важность приобретает своеобразный «аудит» факторов, определяющих развитие рассматриваемого региона.

Прежде, чем перейти к их анализу, необходимо обозначить авторскую позицию по дискуссионному вопросу о том, можно ли относить к постсоветскому пространству государства Балтии. Мы разделяем точку зрения большинства ученых, что этого делать нельзя. Страны Балтии изначально взяли курс на разрыв с формирующимся постсоветским пространством, поскольку у них была цель интеграции в иную общность – европейскую.¹¹ В сознании народов этих стран сохранялась память о независимости периода перед началом Второй мировой войны. Ныне страны Балтии полностью интегрированы в евроатлантические структуры, их внешняя и внутренняя политика осуществляется в рамках правил и процедур, принятых в Европейском союзе и НАТО.

¹⁰ Фурман Д. О будущем «постсоветского пространства» //Свободная мысль, 1996, № 6, с. 37.

¹¹ Гушин А. Постсоветское пространство – 25 лет фрагментации.

Факторы эволюции

После распада СССР важнейшим фактором, в значительной мере определявшим эволюцию постсоветского пространства, стал процесс становления на его территории новых независимых государств (ННГ). Субъектами этого процесса поначалу выступали элиты бывших союзных республик, стремившиеся использовать национально-государственное строительство как способ легитимации своей власти и установления контроля над активами и ресурсами, расположенными на территориях ННГ. Сама логика такого развития заставляла элиты ННГ действовать по принципу: чем дальше от Москвы, тем больше национальной государственности.

Эта тенденция без особых изменений сохранилась и до нашего времени. В ее основе – боязнь новых элит ННГ, получивших суверенитет и контроль над экономическими и природными ресурсами своих стран, утратить этот суверенитет и контроль. Исключением из отмеченной тенденции примерно до середины «нулевых» годов было только одно государство – Белоруссия. Ее правящие круги во главе с президентом А.Лукашенко придерживались противоположного курса: чем ближе к Москве, тем больше национальной государственности.

Этому способствовали такие факторы, как тесно привязанная к России экономика Белоруссии, являвшаяся в СССР «сборочным цехом» и потому сильно пострадавшая от разрыва производственных связей между бывшими союзными республиками; менее ярко выраженная, по сравнению с другими ННГ, национальная идентичность белорусов. К тому же белорусский президент А.Лукашенко в 90-е – начале нулевых годов сам рассчитывал возглавить Союзное Государство Белоруссии и России, договор о создании которого был подписан в декабре 1999 г. Все это обусловило доминирование в общественном мнении Белоруссии в течение долгого времени запроса на восстановление в какой-то форме тесного союза с Российской Федерацией.

В этой связи можно утверждать, что белорусская государственность, по крайней мере, на ранних этапах, в определенной мере формировалась за счет заемных российских ресурсов. Впоследствии, по мере сокращения российских дотаций и укрепления государственных институтов республики, белорусская элита пыталась отойти от односторонней ориентации на РФ, стремясь по мере возможности расширить себе пространство для внешнеполитических маневров и так же, как другие ННГ, придерживаться политики многовекторности.

Фактор создания национальных государств по принципу «чем дальше от Москвы, тем больше этой государственности» объективно работал на ослабление связей, скреплявших постсоветское пространство. Однако в то же время он уравновешивался таким фактором, как дефицит собственных ресурсов для строительства национальной государственности, обеспечения суверенитета ННГ: «это ограниченные финансовые ресурсы, слаборазвитая инфраструктура, жесткая международная конкуренция, большая инерция прошлого развития и громадные издержки социальной трансформации».¹²

В этой связи ННГ были вынуждены обращаться за поддержкой к России, которая для большинства из них становилась провайдером экономической помощи, а для некоторых – еще и гарантом безопасности (Армения, Киргизия, Таджикистан). Таким образом, в развитии постсоветского пространства с момента его возникновения переплетались две противоположные тенденции – к постепенной фрагментации и сохранению целостности. Эта конфигурация сохранилась до наших дней.

В тех случаях, когда Россия, с точки зрения властных элит ННГ, не могла или не хотела оказать поддержку в строительстве их национальных государств и в решении сложных проблем, связанных с этим процессом, они обращались за поддержкой к внешним игрокам – США, Евросоюзу, Турции, Румынии, НАТО, Китаю и другим. В этом контексте трудно не согласиться с С.Маркедоновым, отметившим, что если у того или иного постсоветского государства не получалось решить свои проблемы с помощью Москвы, то оно актуализировало свои взаимоотношения с Западом.¹³

Разумеется, глобальные и региональные игроки преследовали собственные интересы на постсоветском пространстве, и просьбы о помощи, обращенные к ним, становились для них удобным поводом для обоснования продвижения их интересов в той или иной стране. Наиболее отчетливо тенденция привлечения внешних акторов для решения внутривнутриполитических проблем прослеживается на примере крайне болезненной для государственного строительства некоторых ННГ проблемы этнополитических конфликтов.

В частности, Молдова, как минимум, дважды совершала разворот во внешней политике от ориентации на Россию в направлении Евросоюза, и оба раза после того, как правящие круги этой страны приходили к выводу,

¹² Постсоциалистический мир: итоги трансформации. Т. 2. Постсоветские государства. С. 8.

¹³ Маркедонов С. Постсоветское пространство: прощание с дефиницией? // Эволюция постсоветского пространства: прошлое, настоящее, будущее: хрестоматия. М.: НП РСМД, 2017, с. 378.

что Москва, по их мнению, не хочет решения Приднестровского конфликта. Грузия начала разворот своей внешней политики в сторону НАТО в 1998 г., когда после вспышки межэтнического конфликта в Гальском районе Абхазии в Тбилиси окончательно пришли к выводу, что Россия не заинтересована в восстановлении территориальной целостности Грузинского государства.

В то же время вывод С.Маркедонова о том, что внешнеполитический выбор постсоветских государств «определяется не столько ценностными измерениями, сколько стремлением укрепить новую государственность не изнутри, а снаружи»,¹⁴ представляется нам односторонним. Дело в том, что этот выбор определяется не только стремлением позаимствовать извне ресурсы для строительства национальной государственности и решения ее наиболее острых проблем, но также и желанием народов, а иногда и части элит порвать с постсоветскими социально-политическими порядками.

Во многих работах, авторы которых разделяют мнение, что постсоветское пространство как единый политико-географический регион сохраняется и в наше время, указывается и на влияние такого фактора, скрепляющего его целостность, как близость внутривосточных порядков новых независимых государств. Однако такие упоминания, как правило, ограничиваются перечислением общих для СНГ проблем развития, которые традиционно объясняются трудностями переходного периода.

Так, по мнению авторов одного из Аналитических докладов Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), подготовленного в 2011 г., «несмотря на то, что пути постсоветских стран в постсоветскую эпоху разошлись, всем им присущи важные черты переходного периода: коррупция, мощные криминальные сети, неудовлетворительное качество государственного управления, политическая пассивность граждан и в значительной мере неопределенность направления развития систем государственной власти».¹⁵

Между тем причины негативных явлений, перечисленных выше, которые препятствуют успешной модернизации СНГ, не сводятся лишь к издержкам переходного периода. Они заключены в фундаментальных особенностях общественно-политической и социально-экономической модели, утвердившейся в СНГ в результате постсоциалистических преобразований. Для нее характерны отсутствие внутренних стимулов к развитию, рентный капитализм, системная коррупция¹⁶ и патронажное государство.¹⁷

¹⁴ Там же.

¹⁵ Что такое постсоветское пространство? // <http://svop.ru/public2011/content0006300149.htm>

¹⁶ Рябов А. Постсоветская общественная модель: характерные особенности и современное состояние // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. №1 (107), январь – март 2011 г., с. 5-10.

Первопричиной этих особенностей является доминирование в этих обществах, вне зависимости от многообразия существующих в них политических режимов, института власти-собственности, представляющего собой наследие советской эпохи,¹⁸ который обуславливает «срастание или полное совпадение политических элит и олигархических групп, завладевших большей частью национального богатства».¹⁹ Именно господство этого института обуславливает концентрацию власти и собственности в руках узкого слоя элит, заинтересованных в сохранении внутривнутриполитического status quo и потому стремящихся к маргинализации любых социальных и политических акторов, которые выдвигают альтернативные проекты развития, вне зависимости от их направленности.

Стремление к сохранению status quo доминирует и среди массовых слоев населения, которые, находясь в сильной зависимости от государства и правительства, боятся перемен, полагая, что все они – к худшему. В этих условиях содержание внутривнутриполитического процесса сводится к борьбе между различными группами элиты за контроль над источниками ренты (административной, бюджетной, природной – в странах, где она есть), и он приобретает циклический характер, исключающий мотивацию к развитию. В таких моделях при господстве патронажно-клиентелистских отношений во власти коррупция приобретает системный характер, а слабость формальных институтов компенсируется широким развитием неформальных практик и «ручным управлением».

Однотипность социально-экономических и политических систем постсоветских стран порождает общую и взаимную заинтересованность их властных элит в сохранении существующих порядков, что оказывает огромное, если не решающее влияние на характер двусторонних отношений между новыми независимыми государствами, и прежде всего на их отношения с Россией. Возникает своего рода классовая солидарность элит ННГ, опасаящихся, что слом постсоветских порядков в одной стране неизбежно вызовет цепную реакцию и в других постсоветских государствах. Они понимают, что в момент реальной угрозы внешние по отношению к постсоветскому пространству игроки вполне могут согласиться со сменой постсоветских социальных и политических порядков в ННГ, если это им будет выгодно.

¹⁷ Hale H. Patronal Politics: Euroasian Regime Dynamics in Comparative Prospective. New York: Cambridge University Press, 2015. 538 p.

¹⁸ Рябов А. Постсоветская общественная модель, с.6-7.

¹⁹ Егоров В. Постсоветское пространство как предмет научного осмысления, с. 55-56.

Однако от «братьев по классу», в первую очередь из России как системообразующей страны региона, всегда можно рассчитывать на поддержку. Отмечая фактор этой солидарности, А.Крылов связывает его с глобализацией, ведущей к формированию транснациональных элит, частью которых и стремятся стать элиты ННГ.²⁰ По нашему же мнению, речь идет о феномене классовой солидарности именно национальных элит ННГ, которая во многом обеспечивает их выживаемость и сохранение у власти. Этот феномен оказался устойчивым в силу сложных международных и внутривнутриполитических раскладов.

Фактор заинтересованности элит ННГ в сохранении внутривнутриполитического status quo порождает своеобразную двухуровневую систему взаимоотношений России с другими постсоветскими странами. На первом уровне находятся межгосударственные отношения, которые и являются объектом исследований ученых-международников. Они могут быть отягощены целым комплексом спорных проблем и взаимных претензий, по которым стороны в течение долгого времени никак не могут прийти к взаимоприемлемым решениям. Таковыми в течение долгого времени, например, являются отношения между Россией и Азербайджаном, Россией и Узбекистаном. В целом сложный характер имели и отношения России с Украиной (до 2014 г.).

Однако все эти противоречия смягчаются вторым, базовым уровнем отношений, который определяется классовой солидарностью постсоветских элит в защите внутривнутриполитического status quo в их странах (в случае с Украиной так было до 2014 г.). Он и играет роль своеобразной «страховочной сетки», предохраняющей постсоветское пространство от фрагментации. Россия предпочитает взаимодействовать с близкими ей постсоветскими режимами – со всеми их слабостями и постоянным стремлением демонстрировать независимость от «большого брата», – чем делать ставку на политические силы, ориентированные на внешних по отношению к постсоветскому пространству игроков, и тем более опасается хаоса в ННГ.

Таким образом, классовая солидарность элит ННГ в сохранении внутривнутриполитического status quo выступает в роли ключевого фактора, скрепляющего целостность постсоветского пространства. Однако, признав это, мы сталкиваемся с необходимостью ответа на вопрос: почему в разных ННГ время от времени возникают намерения покинуть постсоветское про-

²⁰ Крылов А.Б. Постсоветское пространство: интеграция vs дезинтеграция // Постсоветские государства: 25 лет независимого развития. Сб. ст. в 2-х тт. / Отв. ред. А.Б.Крылов. Т. 1. М.: ИМЭМО РАН, 2017, с. 9-11.

странство – конечно же, в политическом, а не в географическом смысле, – и, соответственно, верх берут центробежные тенденции?

Фактор «бегства» из постсоветского пространства (назовем его так) имеет сложную природу. С одной стороны, его появление обусловлено широким комплексом причин, общим знаменателем которых выступает недовольство массовых слоев населения постсоветскими реалиями с их отсутствием перспектив и подчас вопиющей социальной несправедливостью. Ощущение безысходности, наряду со стремлением переустроить общество на началах справедливости и рациональности – сделать «как в развитых странах» – при определенных социальных условиях (например, при большом удельном весе молодежи) может стать триггером революционных изменений. При этом следует особо подчеркнуть роль «европейской мечты», зачастую воплощенной в завышенных ожиданиях стать в недалеком будущем частью большой европейской общности.

Но ни в одном из случаев попыток покинуть постсоветское пространство (Молдова, Грузия, Украина) недовольство массовых слоев не являлось единственным фактором «бегства». Оно в обязательном порядке сопровождалось намерениями – чаще всего непоследовательными – по крайней мере, части правящих элит, порвать с постсоветскими реалиями, или, как минимум, модифицировать их в соответствии с требованиями, предъявляемыми Евросоюзом. Такие намерения обуславливались тремя причинами.

Первая заключалась в стремлении путем интеграции в Запад, конкретнее – в ЕС, легализовать накопленные капиталы, большей частью приобретенные в результате «дикой приватизации». Вторая причина состояла в намерении укрепить свое доминирующее положение в ННГ за счет большей открытости экономик и привлечения в них инвестиций и новых технологий. И третья причина связана с желанием создать противовес российскому влиянию. Нетрудно заметить, что третья и, в меньшей степени, вторая причина обусловлены стремлением элит ННГ решить проблемы укрепления национальной государственности за счет привлечения внешних игроков.

Таким образом, фактор национально-государственного строительства при определенных обстоятельствах обретает новое значение: он перестает ограничиваться мотивацией внешней политики той или иной страны к дистанцированию от России и начинает переориентировать эту политику к попыткам покинуть постсоветское пространство. Также следует отметить, что, как показывает опыт Молдовы, Грузии и Украины, мотивация их элит к «бегству» из постсоветского пространства не носит устойчивого характера. Если в процессе «бегства» у элит ННГ возникает реальная угроза потери власти и привилегий, то они готовы ограничить «европеизацию» политических режимов в своих странах мерами по расширению плюрализма и конку-

рентности, не затрагивая при этом ключевого постсоветского института власти-собственности.

В итоге цели «бегства» фактически ограничиваются намерением окончательно выйти из-под российского влияния и разорвать тесные связи с РФ, но при этом оставить без изменений фундаментальные политэкономические основы постсоветского социального порядка. Эти намерения элит ННГ объективно ограничивают стремление массовых слоев населения уйти от постсоветских реалий и встать на путь строительства демократий западного типа.

Для успешного продвижения по пути европейских реформ у массовых слоев без поддержки тех или иных элитных групп не хватает знаний, опыта, финансово-экономических, административных и кадровых ресурсов. В результате попытки «бегства» из постсоветского пространства сводятся не к переходу в политико-географический регион «Большой Европы», а к созданию нового противовеса российскому влиянию. Фрагментация постсоветского пространства по этому основанию завершается именно такой конфигурацией.

Соотношение центростремительных и центробежных тенденций в эволюции постсоветского пространства следует рассматривать и в историческом измерении по оси «прошлое – настоящее – будущее». Признание постколониального характера постсоветского пространства означает, что в решающей степени оно продолжает скрепляться *прошлым*. Однако с течением времени связи, исходящие из прошлого, слабеют, и, если они не дополняются новыми взаимодействиями, целостность пространства неизбежно разрушается.

Этот процесс может быть растянутым по времени, но он существенно ускоряется, когда в массовом сознании и сознании элит ННГ возникает феномен будущего, привлекательного и достижимого. В практике некоторых постсоветских стран он воплощается в стремлении к евроинтеграции, в желании «построить у себя Европу». Запрос на будущее, порожденный целым комплексом внешних и внутривнутриполитических причин – от активизации Евросоюза до глубоких внутренних кризисов в ННГ, – при всей утопичности надежд на быстрое достижение европейских целей сыграл огромную роль в стимулировании попыток «бегства» из постсоветского пространства.

Однако то обстоятельство, что реалистичность европейского проекта в современных условиях остается для ННГ трудно достижимой целью, сдерживает разрушительное воздействие на постсоветское пространство запроса на привлекательное будущее. В нынешней ситуации, выбирая между скромным постсоветским настоящим и неопределенностью будущего, ННГ предпочитают первое. Таким образом, соотношение между прошлым и

настоящим, с одной стороны, и будущим, с другой, пока складывается в пользу первого.

В этом и состоит важнейший ресурс сохранения постсоветского пространства в его нынешнем состоянии и доминирующей роли России в регионе. Однако в перспективе это соотношение может измениться в пользу будущего. В таком случае шанс на сохранение постсоветского пространства как целостного региона появится только в том случае, если Россия на собственном примере предложит другим ННГ привлекательный проект будущего. В этом контексте трудно не согласиться с Д.Трениным, по мнению которого «главное для России в начале XXI столетия – запуск успешной национальной модели развития».²¹

Циклы эволюции постсоветского пространства

Следующая аналитическая задача состоит в том, чтобы определить, каким образом конкретное воздействие центростремительных и центробежных факторов определяло эволюцию постсоветского пространства в разные периоды на протяжении истекшей четверти века.

По нашему мнению, можно выделить четыре периода в истории постсоветского пространства. Первый из них охватывает время от распада СССР примерно до начала нового века. В этот период развитие постсоветского пространства определялось прежде всего созданием и первыми шагами в становлении ННГ. Казалось бы, сама логика этого процесса должна была обусловить преобладание центробежных тенденций над центростремительными. Однако на практике этого не случилось – ННГ оказались слишком слабыми, особенно экономически, чтобы без внешней поддержки успешно осуществлять национально-государственное строительство.

В этих условиях Россия взяла на себя роль опорной конструкции в формировании нового политико-географического региона. В первую очередь это касалось финансовой системы ННГ. До 1993 г. валютной единицей ННГ, вошедших в Содружество Независимых Государств (СНГ), являлся рубль. Тем самым Россия брала на себя финансовые издержки самого сложного, начального этапа межсистемной трансформации в ННГ, который сопровождался гиперинфляцией.

²¹ Тренин Д. Россия и страны СНГ: «взросление» отношений. 20 лет спустя. Как изменился мир после распада СССР? // Эволюция постсоветского пространства: прошлое, настоящее, будущее: хрестоматия. М.: НП РСМД, 2017, с.18.

Важно подчеркнуть, что России с согласия мирового сообщества принадлежала ключевая роль в поддержании мира после прекращения военных действий в зоне приднестровского, карабахского, грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликтов, в мирном урегулировании в Таджикистане, пережившем в 1992–1997 гг. кровопролитную гражданскую войну. Не случайно в начале 90-х годов на Западе в неофициальном лексиконе ННГ называли «политическими задворками России».

По инициативе Москвы и при ее решающей роли была создана структура по обеспечению региональной безопасности, впоследствии превратившаяся в Организацию Договора Коллективной Безопасности (ОДКБ), в которую в настоящее время входят 6 стран. Таким образом, центростремительная тенденция не только сдерживала перспективу быстрого распада территории бывшего СССР, но способствовала формированию вокруг России нового политико-географического пространства – постсоветского. При этом, однако, не удалось заложить основы его интеграции применительно к новым реалиям и на новых принципах. Созданное для этих целей СНГ, обладавшее, по мнению некоторых авторов, реальным интеграционным потенциалом,²² впоследствии превратилось в образование, которое стало инструментом «цивилизованного развода».

С середины второй половины 90-х гг. центробежные тенденции на постсоветском пространстве усилились. В немалой степени этому способствовала заметно возросшая активность США и Евросоюза, заинтересованных в установлении своего влияния в ННГ и в ослаблении их связей с РФ. Многие исследователи считают переломным событием Кишиневский саммит СНГ (октябрь 1997 г.), на котором главы постсоветских государств резко критиковали политику Москвы в регионе, акцентируя внимание на особости интересов своих стран.

Второй период в развитии постсоветского пространства, когда центробежные тенденции стали доминировать над центростремительными, начался позднее, в первые годы нового столетия. Тогда после затяжного экономического кризиса в ННГ начинается рост. Выборы лидеров постсоветских стран, прошедшие в конце 90-х годов, показали, что их правящие элиты укрепились и сумеют удержать контроль над государствами, находящимися под их управлением. Необратимость процесса создания ННГ стала очевидной, в том числе и для их властных элит.

²² Кудрявцев И.С. Постсоветское пространство как отдельный регион: интеграционные перспективы, с. 262.

Все это имело два важных последствия для постсоветского пространства как целостного региона. С одной стороны, правящие элиты некоторых ННГ пытались использовать сложившуюся ситуацию для того, чтобы еще дальше дистанцироваться от Москвы и приступить к созданию новых интеграционных объединений без участия России. Так, в 2001–2006 гг. окончательно оформляется региональная группировка, получившая название ГУ-АМ (Грузия, Украина, Азербайджан, Молдова), которая была официально учреждена еще в 1997 году.²³ В 2005 году создается Содружество Демократического Выбора (СДВ), куда наряду с заявившими о европейском векторе развития Грузией, Молдовой и Украиной вошли страны Балтии, а также Македония, Румыния и Словения.

С другой стороны, укрепление национальных государств и новых социальных порядков в них, при которых слои, выигравшие от смены общественного строя, «получили все»,²⁴ побудило некоторые статусные группы и наиболее активную часть общества к тому, чтобы попытаться сменить вектор развития с постсоветского на европейский. В этом повороте цементирующую роль играла идея социальной справедливости, обосновывающая необходимость продвижения к европейской модели развития.

Правда, в связи с тем что в общественном мнении эта идея по-прежнему трактовалась под влиянием уравнилельных представлений советской эпохи, в дальнейшем после победы сил, идентифицировавших себя в качестве проевропейских, требование социальной справедливости становилось сдерживающим фактором на пути социально-экономических реформ. Эти изменения нашли свое воплощение в ходе «цветных революций» в некоторых постсоветских странах – в Грузии (2003 г.), на Украине (2004 г.) и в Киргизии (2005 г.). В результате были не только свергнуты правительства этих государств, но новые власти заявили о твердом намерении двигаться по пути демократических перемен. В Грузии и на Украине, как и в Молдове, эти намерения обрели конкретную цель – интеграцию в Евросоюз, а в первых двух странах – еще и в НАТО.

Следует отметить, что оба направления – создание новых региональных группировок без участия России и первые попытки «бегства» из постсоветского пространства – разворачивались при активной поддержке внешних сил – США и Европейского союза, стремившихся использовать новые возможности для усиления своего влияния в этих странах и на постсовет-

²³ В 2005 г. Узбекистан, бывший также среди ее основателей, покинул эту организацию.

²⁴ Hellman J. *Winners Take All. The Politics of Partial Reforms in Postcommunist Transitions* // *World Politics*, 1998. Vol. 50. No 2, pp. 203-234.

ском пространстве в целом. В конечном счете, отмеченные выше перемены предопределили усиление фрагментации региона, на которое Россия ответила концепцией «разноскоростной интеграции», предусматривавшей усиление интеграционных связей разной степени кооперации (экономических, политических, в сфере безопасности) только со странами, проявлявшими интерес к такому взаимодействию.

Третий период в истории постсоветского пространства начинается после мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. В это время интерес США и ЕС к постсоветскому пространству значительно ослабевает. Обещания новых правительств Киргизии и Украины провести глубокие демократические и рыночные преобразования вязнут в постсоветских реалиях, внутриэлитной борьбе и системной коррупции. В Грузии проигранная «пятидневная война» с Россией (август 2008 г.) не позволила Тбилиси продолжить политическое сближение с США и ЕС, несмотря на успешные в целом социально-экономические реформы первого срока президентства М.Саакашвили (2004–2009 гг.).

В этих условиях в сознании массовых слоев и элит привлекательность идей европейского выбора и глубоких преобразований ослабевает, а запрос на сохранение status quo, напротив, усиливается. Правящие круги большинства ННГ вынуждены корректировать внешнюю политику своих стран, исходя из того, что в сложившейся ситуации только Россия, имеющая с этими государствами однотипную общественно-экономическую систему, может страховать их от угроз серьезной внутренней дестабилизации. В результате на постсоветском пространстве снова усиливаются центростремительные тенденции, которые становятся особенно заметными после прихода к власти на Украине президента В.Януковича (апрель 2010 г.), осторожно начинающего процесс сближения с Россией.

Закономерным следствием этих изменений становится оформление в 2014 г. нового интеграционного объединения – Евразийского экономического союза (ЕАЭС), в состав которого первоначально вошли три страны – Россия, Белоруссия и Казахстан. «Пятидневная война», приведшая к признанию Москвой независимости бывших грузинских автономий – Абхазии и Южной Осетии – демонстрирует и другим ННГ способность России выполнять функции «регионального полицейского» на постсоветском пространстве. В результате всех этих перемен роль России как стержня постсоветского пространства снова укрепляется.

Однако третий период в эволюции постсоветского пространства оказался коротким. После прихода к власти на Украине (февраль 2014 г.) прозападных политических сил, начала затяжного вооруженного конфликта на юго-востоке этой страны и резкого ухудшения отношений России с Западом,

приведшего к введению США и Евросоюзом санкционного режима против РФ, центробежные тенденции на постсоветском пространстве снова усиливаются. Наступает четвертый период в развитии постсоветского пространства, который продолжается до настоящего времени.

Опасаясь, что под влиянием западных санкций усилится изоляция России в мире, а ее возможности экономически поддерживать другие ННГ и помогать им в обеспечении безопасности сократятся, постсоветские страны, включая и ближайших союзников РФ (Армению, Белоруссию и Казахстан), усиливают многовекторность своей внешней политики. Отношения между РФ и Украиной приобретают открыто враждебный характер, и в 2018 г. Киев начинает процедуру выхода из СНГ, тем самым фиксируя намерение политически покинуть постсоветское пространство. Антироссийская направленность заметно усиливается и во внешней политике Молдовы.

Заключение

На основе проведенного анализа можно констатировать, что более чем за четвертьвековой период существования постсоветского пространства его эволюция приобрела циклический характер, когда периоды его консолидации поочередно сменяются периодами усиливающейся фрагментации. При этом на разных временных отрезках по-разному проявляется воздействие факторов, предопределяющих устойчивое воздействие как центростремительных, так и центробежных тенденций в развитии региона.

Однако, если предположить вполне вероятное усиление интереса к постсоветскому пространству со стороны внешних акторов, расширение их состава (за счет, например, Китая или исламских радикалов) и рост неприятия социальных порядков в ННГ среди массовых слоев населения и части элит, то следует признать, что в таком случае фрагментация региона в ближайшее время может ускориться. Центростремительные же тенденции будут поддерживаться в первую очередь способностью России оставаться провайдером экономической помощи и безопасности (для некоторых ННГ).

Однако в исторической перспективе такая позиция в силу отмеченных выше факторов вряд ли способна сохраниться. В будущем целостность постсоветского пространства в его нынешнем виде и лидирующая роль в нем РФ может быть обеспечена лишь при условии, что Россия выработает такую модель модернизации, которая стала бы эффективной для нее самой и привлекательной для других ННГ.